

Полдень.

Солнце стояло прямо над головой. Хотя лето еще не наступило, жара пекла немилосердно.

Многие заботливые хозяева лавок выставили на улицу навесы, расставили под ними столы и стулья — в тени можно было отдохнуть за чашкой чая. Взглянув вокруг, можно было увидеть, что вся улица была заполнена посетителями.

— Хозяйка! — Громкий мужской голос раздался на улице, заставив многих недовольно обернуться.

Хозяйка лавки, занятая делами внутри, поспешно вытерла руки о фартук и вышла:

— О, господин У! Какой ветер занес вас сегодня, такого важного гостя?

— Какой там важный, хозяйка! — Господин У фливорно потянулся пальцем к ее лицу, но таловко сунула ему в руку лепешку, отвлекая внимание. — Твой язык, право, слаще меда!

— Вы как раз вовремя, только что из печи, еще теплые. Попробуйте!

Господин У, поглощенный сладостными мыслями, не стал придираться и откусил кусочек:

— Давай четыре.

— Четыре лепешки! — Хозяйка бойко завернула в масляную бумагу четыре кунжутных лепешки и с улыбкой спросила: — Господин У, видать, у вас радость? Лицо так и светится.

Тот самодовольно усмехнулся. Он всегда любил хвастаться своими любовными похождениями и никогда не скрывал их:

— Лепешки в обмен на новую игрушку. Разве не повод для радости?

Хозяйка мысленно прокляла его бесстыдство, но на лице сохранила неловкую улыбку. Господин У, не замечая ее дискомфорта, продолжал:

— Угадай, о ком речь? О том маленьком уродце из башни «Цишэн», что принадлежит нашему управляющему Ду. Как его... Цюй... А, точно, Цюй Чэньчжоу. Красивое имя, правда?

Под соседним навесом, где один молодой человек пил чай и щелкал семечки. При этих словах голова слегка повернулась в их сторону.

— А, этот мальчишка.

— Да-да! — Господин У самозабвенно продолжал. — Он так упрашивал меня купить ему кунжутных лепешек... Ну, я и купил. А потом... хе-хе.

Хозяйка, жившая неподалеку, видела того мальчика — тихого, с чистым взглядом. Глядя теперь на этого мерзкого типа, она почувствовала тошнотворный комок в горле:

— Этот ребенок...

Не успела она договорить, как с другого конца улицы донеслись испуганные крики.

Лю Чунмин сидел в паланкине, покачивающемся в такт шагам носильщиков, и почти задремал.

Приемы у принцев и прочей знати не вызывали у него ни особой радости, ни отвращения — все они были похожи друг на друга: бесконечные церемонии, пустые разговоры и тонкие игры слов.

Неудивительно, что братья Бай иногда называли его скучным — в свои восемнадцать он вел себя как старик за семьдесят.

Он уже почти отключился, как вдруг паланкин резко остановился. Лю Чунмин едва успел схватиться за стенку, чтобы не вылететь вперед.

— Что случилось? — спросил он, слегка раздраженно.

— Молодой господин... — Подошедший управляющий понизил голос. — Впереди затор. Говорят, произошел несчастный случай... Улица в неприглядном виде. Может, объедем?

— Что за случай?

— Говорят, телегу с дровами испугала лошадь, она перевернулась и придавила человека, покупавшего лепешки. Не повезло бедолаге — несколько поленьев проткнули его насквозь. Кровь с мозгами... сами понимаете. Служба городского управления оцепила место, дорога до сих пор перекрыта.

Лю Чунмин поморщился. Зрелище, должно быть, было не для слабонервных.

— объезжаем.

Он и так не собирался прибывать раньше Ци-вана, а теперь из-за объезда опоздал еще больше. Когда слуга открыл перед ним дверь отдельного зала, все гости уже собрались — не хватало только его.

Ци-ван, Му Цзиндэ, который сидел напротив входа, увидев его, рассмеялся:

— Чунмин, опять опаздываешь! Ты вообще когда-нибудь приходишь вовремя? Неужели и бизнесом управляешь так же?

— Бизнес — одно, а застолье — другое, — улыбнулся Лю Чунмин. — Боюсь, если приду раньше, вы, ваше высочество, обвините меня в обжорстве и заставите оплатить весь ужин. Вот это было бы хуже.

Му Цзиндэ рассмеялся:

— Вот хитрец! Боишься лишнюю копейку потратить. Ладно, три штрафных чаши вина — и счет не на тебе.

Ему поднесли вино. Лю Чунмин осушил три чаши подряд, с трудом подавив жжение в горле, а затем сел рядом с Бай Шиянем и жадно хлебнул воды, чтобы перебить вкус.

— Почему так поздно? — спросил Бай Шиянь.

— На дороге затор, пришлось объезжать, — ответил Лю Чунмин. — На улице Жунхуа. Ты разве не видел?

— Нет, я другой дорогой ехал.

Сидящий по другую руку мужчина отставил чашку и вставил:

— Это про тот случай, где дровами человека насмерть пришилило? Я уже слышал.

— Что за случай? — Му Цзиндэ, собиравшийся завести другую тему, заинтересовался.

— Я только вкратце от управляющего слышал, — сказал Лю Чунмин. — Не видел своими глазами. А ты, Синчжи?

Тому, кого называли «Синчжи», было едва за двадцать. Длинные брови, узкие глаза, в которых всегда светилась улыбка — на семьдесят процентов учтивая, на тридцать — насмешливая.

— А я как раз вовремя на месте оказался. Когда телега перевернулась, я неподалеку чай пил. Еще чуть ближе — и меня бы насквозь проткнуло.

В зале поднялся шум. Если бы не Лю Чунмин, никто бы и не узнал, что Цзян Синчжи оказался в такой опасности. Все наперебой стали расспрашивать.

Цзян Синчжи прищелкнул языком:

— Жуть! Всё произошло мгновенно. Тот человек как раз брал лепешку, как вдруг дрова пронзили его насквозь. Пригвоздили к стене, будто гвоздём. Хозяйка лавки от ужаса в обморок упала.

Даже от такого краткого описания у многих по коже побежали мурашки.

— Синчжи, да у тебя нервы железные! — кто-то скептически усмехнулся. — Увидел такое своими глазами — и всё равно не лишился аппетита?

— Что вы, что вы! — вмешался Му Цзиндэ, смеясь. — Вы Синчжи недооцениваете. Когда мы возвращались из Лочэна и столкнулись с бунтовщиками, именно он отправился за подкреплением. Вернулся и хоть бы что, даже волосок не сдвинулся.

Цзян Синчжи встал и склонил голову:

— Ваше высочество слишком любезен.

Тема вызвала всеобщий интерес.

— Ваше высочество, вы не пострадали от рук мятежников?

— Как вообще мог вспыхнуть бунт в мирное время?

— Уже подавили? Не дойдёт ли до столицы?

— Ведь Лочэн так близко...

Му Цзиндэ поднял руку, успокаивая шум:

— Не тревожьтесь. Это была всего лишь кучка сброда. Я уже приказал начальнику управления Лочэна подавить волнения. До столицы они не дойдут.

Цзян Синчжи кивнул:

— Начальник управления сказал, что это были разбойники, бродившие за городом. Видимо, увидев богатый эскорт его высочества, они прикинулись простолюдинами, чтобы поживиться. Уже отправили войска на их поимку.

— Ну и слава богу! — кто-то облегчённо вздохнул. — В такое благодатное время — и вместо честного труда занимаются разбоем! Казнить всех!

Многие поддакивали. Другие спешили выразить почтение:

— Ваше высочество под защитой Небес, главное, что вы остались невредимы.

— Не мне покровительствуют Небеса, а нашему императору, — Му Цзиндэ поднял бокал. — Его мудрость является залогом мира в Поднебесной. Без него эти мерзавцы давно бы распоясались.

Все встали и выпили вместе с ним:

— Да пребудет добродетель императора столь же безграничной, как Небеса и Земля!

После этого разговор неизбежно вернулся к смертельному случаю на улице Жунхуа и внезапному нападению в Лочэне. Кто-то неосторожно спросил:

— Ваше высочество, а вы перед поездкой не советовались с главным астрологом?

В зале воцарилась тишина. Даже Цзян Синчжи поставил чашу вина и посмотрел на говорившего с усмешкой.

Тот, получив пинок под столом, тут же осознал свою оплошность.

Прежнего главного астролога казнили по приказу императора четыре месяца назад. А в последовавшей за этим тайной борьбе за государственный пост Ци-ван проиграл Нин-вану — сыну императрицы.

Нынешний главный астролог — ставленник Нин-вана.

Разве мог Му Цзиндэ просить его о гадании перед поездкой? Даже если бы тот не навредил, всегда был риск ненароком разгневать императора.

Цзян Синчжи разрядил обстановку:

— Его величество велел его высочеству выезжать немедленно. Главный астролог Чжэн в то время был занят.

Все поспешили сменить тему. Но тут Цзян Синчжи с улыбкой повернулся:

— Кстати, ваша светлость, слышали? В этом заведении когда-то тоже был гадатель. Я в юности приходил к нему. А теперь табличку сняли.

Му Цзиндэ, конечно, не знал таких мелочей, но Цзян Синчжи всегда умел заинтересовать, поэтому он ответил:

— Что в этом удивительного? В столице на каждой улице гадают. Раз нет таблички, значит,

гадателя больше нет.

Он подмигнул.

— В делах бизнеса лучше разбирается Чунмин. Его и спросите.

Лю Чунмин рассмеялся:

— Жаль, я не занимаюсь такими сомнительными делами. Скажешь человеку приятное — ладно. А если накаркаешь беду? Только врага наживёшь.

— Верно подмечено, — кивнул Цзян Синчжи. — Я сначала думал, что тот мальчишка умер, но потом узнал, что Чунмин недавно спас его от евнуха Паня. Вот мне и стало любопытно: раз он жив, почему управляющий Ду больше не выставляет его табличку?

При упоминании евнуха Паня многие за столом едва сдержали смехок.

Му Цзиндэ, недавно вернувшийся в столицу, не был в курсе событий.

— Чего смеётесь? Этот человек известен?

— Известен... но весьма своеобразно, — сдержанно пояснили ему. — Говорят, когда евнух Пань пришёл погадать, мальчишка не смог толком ответить, а потом в ярости швырнул в него гадальными костями и сбежал.

— А потом управляющий Ду выпорол его и повёл извиняться... и знаете что?

— Ха-ха! Он снова бросил в него игральными костями!

Му Цзиндэ развеселился.

— Вот это дерзость! Пань Хэ, наверное, взбесился?

— Ещё как, — невозмутимо сказал Цзян Синчжи. — Все видели, как он волок мальчишку на улицу, чтобы придушить насмерть.

Он повернулся к Лю Чунмину и добавил:

— Но ты же его спас, верно?

<http://bllate.org/book/15643/1398431>